

ЙОВАН ДУЧИЧ (1874 – 1943)

ИЗ КНИГИ «ГОЛУБЫЕ ЛЕГЕНДЫ»

Йован Дучич – исключительное явление в сербской литературе и культуре. Он родился в Требинье. Служил учителем в Сараево и Биелине, откуда из-за конфликтов с австрийскими властями был уволен и переведён в Мостар. Там вместе с Алексой Шантичем и Светозаром Чоровичем он создаёт литературный журнал «Зора» («Заря»).

В 1899 году он отправляется учиться в Женеву с помощью своих друзей, а затем получает стипендию от правительства Сербии. В 1901 году в Мостаре выходит первый сборник Дучича под простым названием «Стихи». В 1907 году он поступает на работу в министерство иностранных дел Сербии, а на следующий год выходит его вторая поэтическая книга, так же озаглавленная как «Стихи». Эти две книги сделали Дучича (наряду с Миланом Ракичем) одним из самых влиятельных сербских поэтов начала XX века.

Дипломатическая карьера Дучича развивается успешно и размежевенно: Константинополь, София, Рим, Афины, Мадрид. После Первой мировой войны Дучич был представителем Сербии в Лиге наций и служил послом в Каире, Будапеште, Бухаресте, Лиссабоне и Мадриде. «Лирическая жизнь» идёт своим чередом, её течение глубоко скрыто под покровами внешней «событийности».

С 1900 по 1925 гг. в Белграде, Софии, Женеве и разных городах Средиземноморья написаны стихи, составившие впоследствии главные поэтические книги прижизненного собрания сочинений: «Песни солнца», «Песни любви и смерти» смерти», «Царские сонеты». В 1905 году в Женеве и в 1915 в Афинах созданы две части книги стихотворений в прозе «Голубые легенды».

В августе 1941 года, после германской оккупации Югославии, Дучич уезжает в Америку и оставляет дипломатическую службу, поселившись

вшись со своим двоюродным братом Михаилом Дучичем в Гэри, штат Индиана, где возглавляет организацию «Сербская национальная оборона», пишет историческую прозу и политическую публицистику, редактирует прежние стихи и создаёт новые (в т.ч. патриотические), ведёт ожесточённую полемику с югославским правительством из-за постоянного сокрытия геноцида сербов усташами в Хорватии, Боснии и Герцеговине.

Дучич умер 7 апреля 1943 года и был похоронен в тот день, когда вышла его последняя книга стихов «Лирика», 9 апреля 1943 года в Гэри. Позже его останки были перенесены в монастырь св. Саввы в Либертивилле, штат Иллинойс, а осенью 2000 года, в соответствии с завещанием поэта, перезахоронены в его родном Требинье.

Тончайший и проникновеннейший лирик, никогда не выставлявший напоказ своих чувств и более всего страшившийся, по его собственному признанию, пошлости мысли и пошлости выражения, Дучич создал неповторимый художественный мир, претворив влияния французского Парнаса, импрессионизма и символизма и открыв совершенно новую лирическую территорию, ранее неизвестную в сербской поэзии.

Олег Комков

ЧЁРНАЯ ПЕСНЯ

Это бывало, когда она ещё слыла самой прекрасной и самой печальной женой в мрачном Эскориале; это бывало обыкновенно в долгие дни, в садах, где жили подсолнухи, полные чахлой тоски.

Когда по весне возвращались ласточки в своих монашеских одеяниях из чёрно-белого шёлка, они пели ей некий тёмный напев, принесённый с моря.

Они пели ей, ибо она любила их странную песню и своей рукою в чёрной перчатке кормила их каким-то мелким зерном с далёких островов, чтобы целыми днями могли они петь о Печали.

А когда, впервые облачённая в белый шёлк, с двумя цветками мицита в руке, она почила под серебряным мрамором, над которым мерккий кипарис шумел долгим чёрным шумом, —

Ей захотелось единожды услышать припев Счастья, только единожды.

ЗЕРКАЛА

Она хотела увидеть свою великую красоту, но на свете не было зеркал. Тогда сказала она своему возлюбленному: «Раскрой предо мною

твои огромные глаза, чтобы увидела я свою красоту».

Огромные глаза любящего раскрыли свои сияющие зеркала. Женщина вынула из кос цветы и заколки, обвернулась волосами, словно тенью, и закричала от радости.

И пустилась в пляс – как пламя, как лучи, как тени, как нива, как волны, как змеи, как кошки, как ночные призраки.

И в этой радостной и дикой пляске она разбила зеркала. А разбивши те зеркала, больше не знала, какова она, прекрасна или безобразна. Ибо вместе с потемневшими зеркалами исчезла и она сама.

СВЕТ

Человек в обсерватории ждал, пока в зодиаке блеснёт одна звезда, которую поймает он в свои зеркала и которая станет его открытием. Она понесёт его имя по просторам неба, как носил бы его ребёнок по городским улицам.

Каждый год одной и той же ночью ждал он, когда прольётся свет этого неведомого полночного солнца, которое он предчувствовал, в которое только он один верил и которому предстояло проделать тот же путь, что доселе проделала лишь его беспокойная душа.

Миновали годы и звёзды, а дух его был по-прежнему ослеплён светом той звезды, которая не хотела явиться из своей тайны. Глаза его были ослеплены той синей планетой, что купалась где-то в море собственного сияния, беспечно, как плещется в волнах младая жена, которую никто не видит и никто не стережёт. Но он ждал, пока та звезда взойдёт к назначенней ей точке вселенной, словно по ступеням своего престола.

Так прошла вся жизнь человека, влюблённого в звезду.

Но умер он счастливым, потому что целую жизнь прожил в свете звезды, которая была прекраснее и величественнее всех прочих звёзд, ибо она светила, хотя даже не существовала.

И столько было от неё света, что человек тот никогда в жизни не знал ни сумрачного леса, ни тёмной тропы.

ПЕСНЯ О БОГЕ

В одном краю служил Священник Солнца, ибо люди верили, что благо и красота происходят от света. Но небо там было темно, как сажа, а море серо, как пепел.

А в королевстве, что лежало поблизости, небо сияло и море играло, но люди поклонялись змее.

Через реку, разделявшую эти два края, разговаривали два челове-

ка:

— Мы живём во тьме, а поклоняемся Солнцу, которое нас не согреет. Вы живёте в краю, залитом солнцем, где все плоды спелы и женщины прекрасны, а поклоняетесь Змее. Змеями кишат ваши поля, и воры, и стены ваших домов, и змеи те вас пожрали. Божества наши злы и свирепы. Давай же низвергнем их и найдем другого бога.

Но услыхали то остальные люди в обоих королевствах, и прибежали на берег, и убили двух бунтарей.

И не знали, что были эти два человека велики, словно два божества, ибо только они в беспокойстве своём увидели пришествие нового Бога.

ЕВРЕЙСКАЯ ПЕСНЯ

Глаза её — что два чада в голубом облаченье, которые держатся за руки и поют псалом царя Давида.

Уста её — что два библейских слова, которые написал пророк, возвратившись из пустыни, где беседовал с Богом.

Слова её тихи, и, когда начнёт она их молвить, это похоже на паденье звёзд над озером Кинерет.

Шаг её лёгок, и она идёт, опустив глаза, думая о своём золотом пояссе, о своих павлинах и о холодном лунном свете, что видела однажды на горе Синай.

Ибо она — Эсфири, дочь вождя моего племени, из царского рода.

И пока ночью я стою на страже пред её шатром, умирая от вождения, она спит, зажав меж пальцами два серебряных цветка жасмина.

СЕМЯ

Он сеял и пел, и сеял и пел. Он сеял чёрно-белое семя своего сна. Благоухали тёплые весенние ветры, и лёгкие апрельские дожди лились в его серебряные борозды. Вскоре пустыня покроется цветами и розовыми ягодами. Повсюду будут колосья по пояс и леса до небес.

И шёл он всё дальше за солнцем и звёздами, и сеял в пустыне, и пел в тишине. Он не оглядывался и уже не знал обратной дороги к своему очагу.

Он не думал о том, что ветер может унести семена в реку, а утренний мороз — побить молодые побеги. Он не думал о том, что прилетят чёрно-белые птицы и поклюют в блестящих бороздах чёрно-белое семя. Он шёл всё дальше, и сеял, и пел.

Когда же голос его утих, а рука ослабла, и когда захотел он вернуться туда, откуда пришёл, он заблудился в море колосьев, которые

сам посеял, и во тьме лесов, которые сам взрастил... Между ним и целим миром ныне стояли, возвышаясь до небес, ядовитые заросли его сна.

СТАРАЯ ЗАПИСЬ

Море будет говорить тебе о Бесконечности, небо – о Чистоте, а мрачные кипарисы – о Печали. И скажешь ты морю, и небу, и кипарисам: «В моей любви есть и ваша бесконечность, и ваша чистота, и ваша печаль. Ибо душа моя, обожествляя вас, сама образовалась из того, что обожествляла».

Звёзды будут говорить тебе о Вечности, а зори – о Свете. И отвешь ты звёздам и зорям: «Из моей любви рождаются млечные пути, и небесные хороводы, и тихие горные рассветы. Ибо ваша вечность и ваш свет суть не что иное, как свойства любви».

Вечерние сумерки заговорят с тобою о Смерти, а Тишина – о Забвении. – И отвешь ты сумеркам и тишине: «Существует то, что не умирает в людском сердце: это безрассудная, но неодолимая вера в нереальное и невозможное. И существует то, что стоит над судьбою человека: это Любовь, которая, как и Смерть, есть извечная слепая сила природы, а не цель человеческого счастья или несчастья».

Перевод с сербского Олега Комкова